

К.М. СТАНЮКОВИЧ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Константин Станюкович

Женитьба Пинегина

«Public Domain»

1894

Станюкович К. М.

Женитьба Пинегина / К. М. Станюкович — «Public Domain»,
1894

Содержание

I	5
II	9
III	13
IV	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

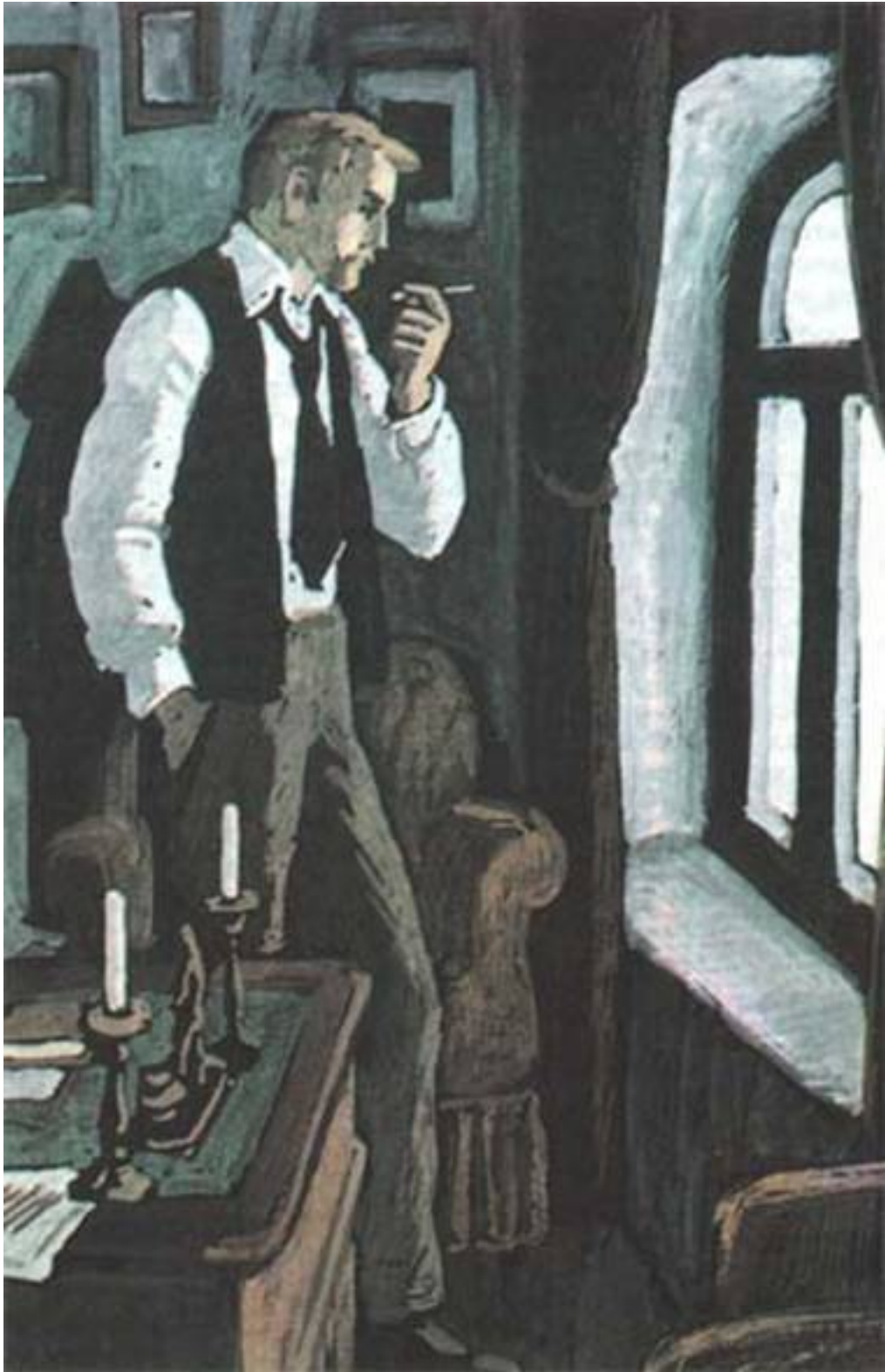
Константин Михайлович Станюкович

Женитьба Пинегина

I

Александр Иванович Пинегин, статный, высокий молодой человек лет тридцати, не торопился в это утро на службу. Погруженный в думы, он ходил взад и вперед по своей комнате в четвертом этаже большого дома, убранной по обычному шаблону меблированных комнат средней руки. Подбор книг в большом шкафу, два журнала на письменном столе и фотографии некоторых писателей свидетельствовали об известных литературных симпатиях молодого человека.

Он ходил быстрой, нервной походкой, как ходят сильно взволнованные люди, опустив на грудь голову, покрытую белокурыми, слегка волнистыми густыми волосами. По временам он останавливался у письменного стола и рассеянно отхлебывал из стакана чай или подходил к окну и напряженно всматривался в серую дождливую мглу мрачного осеннего петербургского утра.

Глядя на молодого человека, никак нельзя было предположить, что он – жених, накануне сделавший предложение и получивший порывистое, радостное согласие горячо любящей его девушки. Его красивое и неглупое, с тонкими и мягкими чертами лицо вовсе не походило на влюбленное счастливое лицо жениха. Напротив. Оно было подавлено, серьезно и хмуро. Большие карие глаза глядели сосредоточенно и мрачно и порой зажигались недобрым огоньком.

Казалось, он переживал минуты какой-то внутренней борьбы и не о невесте думал он, а о чем-то другом, более важном и, по-видимому, очень неприятном.

– Ну, да... подлость! – проговорил он вслух, точно подводя итоги своим размышлениям.

Вчера, когда было сделано предложение, он словно не вполне сознавал всей низости своего поступка и, обрадованный перспективой будущего благополучия, как будто и искренно уверял эту некрасивую, простодушную на вид девушку, с большими ясными доверчивыми глазами, в своей привязанности. И она, обрадованная и влюбленная, поверила, как раньше верила, и в серьезность его возвышенных речей, нашедших отклик в ее горячем сердце...

Но сегодня, как только он проснулся, вся эта низость предстала перед ним во всей своей наготе... Он ведь украл любовь девушки, представляясь перед ней совсем не тем человеком, каким был... Он ведь лгал, уверяя в своей любви...

Какая любовь?!

Она ему нисколько не нравится, и если б не ее миллионы, стал бы он с ней разговаривать! Она некрасива почти до уродливости: черты грубые, резкие, толстый нос, выдавшиеся скулы, обличавшие инородческую кровь, большие руки, грубоватые и красные, сложена отвратительно, маленькая, неуклюжая, одним словом внешность непривлекательная... Одни только глаза, кроткие, вдумчивые, большие темные глаза хороши у нее. И этот доверчивый взгляд...

– И все-таки я сделаю эту подлость, – проговорил Пинегин.

Тон его дрогнувшего голоса звучал вызовом, точно он подбадривал себя, как дети, когда желают побороть страх.

Да, он ее сделает... Богатство – сила и независимость. Неужели отказаться от этого из-за того только, что не любишь эту девушку. И ради чего? Чтоб остаться по-прежнему пролетарием, сидеть за дурацким делом в канцелярии, в свободное время строчить рассказы и статьи, вырывать жалкие сто рублей и вечно считаться с грошами, утешаясь, что ты, в некотором роде, носитель идей, до которых никому нет дела, втайне завидовать обеспеченным людям и разыгрывать благородного аскета, живущего не так, как другие?..

И какой он, по правде-то говоря, носитель идеи? Так себе, один из охвостья. Юн был... увлекался, наконец и мода была, а потом, когда кончил университет, так более ради рисовки и в пику пошлякам щеголял крайними взглядами и болтал разный вздор о переустройстве мира. И за это терял места и пугал дураков. А в сущности-то до переустройства мира ведь ему мало дела, да и когда-то еще оно будет. А пока – жить хочется. Из-за чего же он должен прозябать в качестве бедного, но благородного человека принципа, не чувствуя в том ни малейшего удовольствия?.. Благодарю покорно! Нет... он не упустит редкого случая насладиться широко жизнью, хотя бы ценою подлости. Обманывать себя нечего. Подлость, которую никакими высшими соображениями не оправдаешь. Да и перед кем оправдываться? Все найдут, что он поступил умно, и позавидуют.

«Все ли?» – явился назойливый вопрос и вызвал краску на побледневшее лицо Пинегина.

Он вспомнил девушку, которая очень ему нравилась, эту милую умную и хорошенькую Ольгу Николаевну. Он был с нею дружен и часто виделся. И она, видимо, была расположена к нему. Как теперь он встретится с ней и что может сказать в свое оправдание? Не он ли так горячо порицал браки по расчету?.. Каким презрением загорятся ее глаза, когда она узнает, почему он женится?.. Нет, лучше не видеть этого взгляда и больше не ходить к ней. Миллионы тут недействительны. Пинегин должен был сознаться в этом.

Вспомнил он и небольшой кружок людей, которых считал безусловно хорошими людьми. Он бывал в этом кружке и гордился знакомством с ним тем более, что в нем были два-три известных писателя.

И все эти люди тоже отнесутся с негодованием к его поступку и отвернутся. Наверное, отвернутся от него. – И черт с ними! – раздраженно воскликнул он.

Он стал перебирать этих самых людей, отыскивая в них теперь слабости или дурные стороны и раздувая эти недостатки с злорадством человека, сделавшего подлость и утешающего себя, что и другие, слывающие за честных и добродетельных, тоже способны на подлость. Он мысленно разбирал каждого по косточкам, стараясь найти что-нибудь гадкое если не в фактах, то хотя бы в возможности. В самом деле, так ли они безупречны и не надувают ли себя и других?..

И, злобно настроенный, Пинегин старался уверить себя, что многие из этих самых людей поступили бы точно так, как он, представься только случай да еще в виде двух миллионов. А если бы и отказались, то из трусости перед мнением других и носились бы со своим подвигом, сожалея в душе, что не хватило смелости.

Эти мысли несколько успокоили Пинегина, и он вышел из дома, чтоб сообщить новость матери и полюбоваться впечатлением, которое эта новость произведет на родных.

– То-то обрадуются, что я исправился да еще так радикально! – промолвил Пинегин с презрительной усмешкой.

II

Он шел по улицам в возбужденном настроении, несколько растерянный от сознания, что он скоро – обладатель миллионов, не считая еще приисков, которые дают огромный доход, и большого дома в Петербурге, и улыбался при мысли, что он, у которого в кармане всего пять рублей, через месяц-другой может сыпать деньги пригоршнями. И все это несметное богатство будет в полном его распоряжении. Она вчера прямо сказала: «Бери все, все твое. Ты, честный и добрый, лучше меня сумеешь сделать богатство источником добра». Конечно, он кое-что даст на добрые дела, но не раздаст всего, как бы хотела эта бессребреница, его невеста, готовая отказаться от богатства. Этого он не допустит. Не для того он женится. Да и к чему послужила бы эта самоотверженная филантропия?.. Капля в море...

Он взглядывал на рысаков, на блестящие экипажи, останавливался у витрин магазинов, бросал взгляды на роскошные дома-дворцы и думал: «Все это будет и у меня», и ему было приятно чувствовать эту власть денег. Теперь все блага жизни к его услугам, и он воспользуется ими не как пошляк, а как развитой человек изящных вкусов, с высшими духовными потребностями. У него будет превосходная библиотека, хорошие картины. У него будут досуг и независимость... Тогда он напишет действительно превосходную вещь, а не те скороспелые, непродуманные рассказы, которые писал он до сих пор ради денег. Разные неясные планы вихрем носились в голове Пинегина насчет будущей жизни. После свадьбы они тотчас же уедут за границу и пробудут там год по крайней мере, чтобы ознакомиться с лучшими местами Европы. Затем они поселятся в Петербурге в своем доме, уютном небольшом особняке, который он купит и сам отделает на английский манер. У него будет своя половина, где он может заниматься... На лето и осень они будут уезжать за границу... В этих планах не были забыты и добрые дела. Он улучшит положение рабочих на приисках жены, пошлет туда хорошего человека. Он даст в пользу голодающих... В первый момент Пинегин подумал о ста тысячах, но затем остановился на пятидесяти – довольно и этого. Он пожертвует литературному фонду двадцать пять, столько же в пользу высших женских курсов и ежегодно будет давать несколько стипендий студентам и курсисткам. Все-таки как будто совесть покойнее, когда что-нибудь уделишь из богатства. Психология трусости... Недаром люди, награвшие руки, любят жертвовать и читать потом комплименты в печати... Человек нагребил, бросил крохи, и его благодарят... Лестно!

Хорошенькая и стройная, изящно одетая дама, шедшая навстречу, обратила на себя внимание молодого человека и направила его мысли на будущую жену...

Он невольно сравнил ее и нахмурился...

«Ах, зачем она такая некрасивая!» – мысленно проговорил он.

«Стерпится – слюбится. Она добрая, честная, образованная», – пробовал утешать себя Пинегин, но утешение выходило слабое. Неподкупаемый инстинкт протестовал, и миллионы, казалось, покупались дорогою ценою. Придется лицемерить и лгать, скрывать брезгливое чувство, даря супружескими ласками эту некрасивую, желтолицую, с скуластым лицом, физически противную женщину, вдобавок влюбленную в него до безумия...

Но он решил поступать добросовестно. Он сумеет скрыть от этого доброго, доверчивого создания свою нелюбовь, будет с ней ласков и внимателен... Он не заставит ее раскаться, не разобьет ее жизни, хотя бы из благодарности... Пусть она останется в неведении...

Так рассуждал он, а инстинкт подсказывал, что свои вкусы к женской красоте он может удовлетворять на стороне. И глаза его заискрились при мысли, что при богатстве ему предстоит широкий простор для любовных похождений. Жена ничего не будет знать. И, наконец, можно будет по временам уезжать за границу одному, на воды, что ли...

Пинегин остановился на Большой Морской у витрины ювелирного магазина и, разглядывая выставленные вещи, решил, что следует сделать невесте подарок, разумеется что-нибудь скромное: простенький браслет или кольцо – брильянтов у нее и так много. Недурно было бы и цветов принести. Она их так любит.

Но так как у будущего миллионера было всего пять рублей в кармане, то надо было достать денег. Теперь этот вопрос не удручал его, как прежде. Теперь он достанет сколько угодно. Дюфур не откажет!

И Пинегин отправился к Дюфуру, известному ростовщику, который жил поблизости. Этого Дюфура Пинегин знал давно, звал его в шутку «министром» и был должен ему триста рублей года два, довольно аккуратно уплачивая пять процентов в месяц.

Он поднялся во второй этаж и отворил матовые стеклянные двери. Раздался звонок, предупреждающий о посетителе. Высокий, здоровый лакей снял с Пинегина пальто и сказал, что придется немного подождать. Огромное зеркало в соседней небольшой приемной позволяло видеть сидевшего в глубине большой комнаты, лицом к дверям, за большим круглым столом Дюфура и спину одного из многочисленных его клиентов; Дюфур, в свою очередь, видел входившего.

Пинегин присел в маленькой приемной, где клиенты господина Дюфура могли в ожидании просматривать газеты и иллюстрированные журналы, разбросанные на столе. По счастью, в приемной больше никого не было, и ждать пришлось недолго. Минут через пять из залы вышел военный генерал, сопровождаемый низеньким кругленьким румяным пожилым господином с самым добродушным лицом.

– Чем могу служить вам, Александр Иванович? – проговорил с легким иностранным акцентом господин Дюфур, приветливо и ласково улыбаясь своему исправному плательщику процентов. – Давно не имел удовольствия вас видеть, – продолжал господин Дюфур, пожимая Пинегину руку и пропуская его в большую комнату.

Они присели за круглый стол, на котором лежали знакомые Пинегину толстые небольшие книги с именами клиентов и отметками сроков и платежей, два перечеркнутых векселя, несколько чистых бланков и небольшая пачка денег, вероятно только что полученных...

– Я к вам, Адольф Адольфович, с просьбой. Мне нужно денег, – проговорил Пинегин веселым, уверенным тоном, совсем не таким, каким говорил, бывало, прежде, обращаясь к Дюфуру за сотней рублей.

Лицо Дюфура тотчас же сделалось необыкновенно серьезным. Он поджал губы и мягким, почти нежным голосом ответил:

– Мне очень жаль, но в настоящее время я не могу исполнить вашего желания, Александр Иванович. Все деньги розданы, а получают очень трудно.

Пинегин хорошо знал эту манеру отказывать с первого раза, особенно клиентам, кредитоспособность которых, в глазах Дюфура, не велика, но Пинегин нисколько не смутился и продолжал:

– Мне не сейчас. Сейчас я у вас попрошу пустяки: рублей двести, триста, а на днях мне нужно тысяч пять, десять, сколько можете дать, на самый короткий срок.

Пинегин выговорил эти цифры с такой небрежностью, что благообразный, чистенький и необыкновенно вежливый швейцарец, спокойное лицо которого, казалось, ничему не удивлялось, на этот раз с удивлением взглянул на молодого человека.

– Не удивляйтесь, Адольф Адольфович, – произнес со смехом молодой человек. – Я женюсь и... беру за женой два миллиона и прииски...

– Два миллиона? Вы не шутите? – взволнованно воскликнул Дюфур.

– Какие шутки!

Гладко выбритое безусое лицо швейцарца отразило восторженное изумление. Цифра эта произвела чарующий эффект. Он поднялся с кресла, с чувством пожал руку своего клиента и торжественно поздравил с таким счастливым событием.

Затем он сел и в каком-то благоговейном раздумье прошептал:

– Два миллиона большие деньги...

И после паузы спросил:

– А дело это верное? Не расстроится?

– Будьте покойны, Адольф Адольфович. Я не дурак, чтоб лишиться двух миллионов...

Дело верное.

Кругленький и румяный швейцарец с невольным уважением взглянул на молодого человека, представившего такой веский довод и сумевшего отыскать жену с двумя миллионами. Хотя он и верил словам Пинегина, тем не менее «позволил себе» спросить, если это не секрет, фамилию невесты.

– Коновалова, Раиса Андреевна.

Оказалось, что господин Дюфур, знавший весь Петербург, слышал про эту девушку.

– Огромное состояние у вашей невесты, Александр Иванович, и, кажется, в полном ее распоряжении... Папенька ихний год тому назад умер.

– И маменька тоже умерла, – добавил Пинегин.

– Без мужчины как-то и страшно девушке с таким богатством, – сентенциозно промолвил господин Дюфур. – Ваша невеста, если не ошибаюсь, живет в своем доме, в Караванной? Славный домик! – прибавил Адольф Адольфович.

– Совершенно верно, в Караванной, номер четырнадцатый.

– Да, да... Господь награждает добрых людей... Я весьма рад счастливой перемене в вашей судьбе и всегда уважал вас: вы так аккуратно вносили проценты, а это такая редкость... Не смею не исполнить вашего желания и отдам вам триста рублей, приготовленные для другого лица... Вам – экстреннее... Такой случай.

С этими словами господин Дюфур, не спеша, выбрал из пачки вексельных бланков бланк «от 500 до 600» и подал его Пинегину, придвинув чернильницу и перо. Пинегин подписал бланк без проставленного текста, предоставив это сделать самому Дюфуру, зная, что Дюфур, соблюдая свою честность – честность ростовщика, никогда не злоупотребит доверием.

Посмотрев на подпись, Адольф Адольфович с обычной своей аккуратностью отметил карандашом на уголке векселя цифру 300, что значило, что в тексте будет поставлено 600 (он брал двойные векселя, но при расчетах получал что следует), затем записал по-французски выдачу в одну из своих книг и только тогда встал и отпер большой железный шкаф, где хранились деньги и документы. Вынув оттуда две сотенные и пачку мелких бумажек, он подал их Пинегину и проговорил:

– Двести восемьдесят четыре рубля... Рубль за бланк. Будьте любезны, сосчитайте.

Пинегин сосчитал и, пряча деньги в бумажник, спросил:

– А когда прикажете, Адольф Адольфович, прийти за той суммой?.. Я уверен, вы не откажете?.. Предстоят большие расходы: подарки невесте, надо сшить себе платье, белье... А у невесты брать неловко, вы понимаете?

– Еще бы... Как можно! Надо подождать до свадьбы! – с благородным жаром согласился и господин Дюфур. – Отказать вам не могу... Ведь вы не на пустяки берете... Дня через два-три пожалуйста... Я постараюсь приготовить пять тысяч.

Пинегин стал прощаться и, довольный, благодарил Дюфура.

– О, помилуйте... я всегда готов помочь хорошему человеку! – патетически проговорил Дюфур и, провожая Пинегина до передней, еще раз выразил свое сочувствие, что капитал попадет в хорошие руки, и кстати осведомился: «Скоро ли будет свадьба?»

– Не позже как через месяц.

– Это очень хорошо, что скоро, – одобрительно заметил со своей приветливой улыбкой швейцарец. – К чему откладывать в долгий ящик доброе дело... Так, следовательно, деньги вам на месяц или полтора?

– На месяц, Адольф Адольфович...

Пинегин сунул рубль лакею, весело опустился с лестницы и, кликнув извозчика, велел ехать в Измайловский полк, где жила его мать, вдова действительного статского советника, Олимпиада Васильевна Пинегина, с двумя младшими сыновьями и дочерью.

А мосье Дюфур приказывал своему лакею, жившему у него пятнадцать лет, вечером сходить в дом Коноваловой и осторожно узнать: правда ли, что Коновалова выходит за Пинегина.

III

Олимпиада Васильевна, высокая, худощавая и, несмотря на свои шестьдесят пять лет, бодрая и живая старушка с зоркими и пытливыми умными глазами резко очерченным острым подбородком и длинным, внушительным носом с бородавкой, – носом, который она по своей любознательности, любила всюду совать с умелой, впрочем, осторожностью, – эта почтенная дама, известная среди многочисленных родственников под кличкой «тети-дипломатки», окончила свои обычные утренние дела лишь к двенадцатому часу.

Дел было немало для такой неутомимой хозяйки, как Олимпиада Васильевна.

Вставши с неизменной аккуратностью в восемь часов утра и облачившись в вытертый старый фланелевый капот, простоволосая, с седоватыми жидкими прядками, наскоро причесанными, довольно непривлекательная и совсем не похожая на ту приодетую «генеральшу» с чепцом, какую являлась к завтраку, Олимпиада Васильевна напилась одна кофе, пока дети спали, и затем вся отдалась хозяйственным заботам и приведению своей небольшой квартиры в тот идеальный порядок, которым она по справедливости могла гордиться и поддержанию которого отдавала всю свою душу. Как всегда, она волновалась и суетилась все утро, донимая прислугу ядовитыми словами.

Толстой кухарке, при осмотре провизии, Олимпиада Васильевна подпустила несколько шпилек по поводу веса говядины и, понюхав рыбу, велела ее переменить.

– Или у вас насморк, или вас, милая, совсем обманули... Понюхайте-ка судачка! – говорила она язвительным тоном.

Она шла затем в комнаты, заглядывала во все углы и зудила горничную:

– Разве, Дуня, так пыль вытирают? Ах, какая вы рассеянная, голубушка! Опять влюбились, видно?

И, проведя своим длинным костлявым пальцем по столику или внутри какой-нибудь вазочки в гостиной, она подносила весь в пыли палец почти к самому носу горничной, наслаждаясь ее смущением. И нередко, вооружившись пуховкой, сама обметала сокровенные уголки.

Она затем поливала и мыла цветы, чистила клетки, в которых заливались канарейки, и, когда уборка была окончена, обошла все комнаты и с особенным чувством удовлетворения постояла минуту-другую в гостиной, любуясь этой комнатой с большим ковром, полной мебели, цветов и разных безделок и убранной с большой претензией на подражание обстановкам богатых домов. Каждое кресло, каждая вещица, каждый столик были для Олимпиады Васильевны предметами восторженного культа. В них она чувствовала приличие своего благополучия, чувствовала, что живет, как живут люди, и может принять кого угодно, не смущаясь.

Передвинув чуть-чуть кресло, обитое шелком, и поправив кружевной абажур на лампе, Олимпиада Васильевна, окончательно убежденная, что все в полном порядке, все хорошо и вполне прилично, удалилась, наконец в свою спальню и занялась туалетом. Через несколько минут она преобразилась в приличную и благообразную генеральшу в черном платье, с накинутой мантией, в чепце, прикрывшем ее жидкие волосы, и, в ожидании завтрака, присела в кресло и принялась за газету.

В газете Олимпиада Васильевна более всего любила читать описание разных празднеств, встреч и торжественных балов, на которых присутствовали высокопоставленные лица. Подобные описания – особенно подробные – приводили почтенную старушку в восторг, и она потом пересказывала о разных блестящих туалетах и перечисляла разные громкие имена с увлечением, точно о чем-то необыкновенно ей близком, хотя сама никогда на таких балах не бывала и высокопоставленных лиц не знала и происходила из очень скромной чиновничьей среды. Тем не менее все, относящееся до таких лиц, ее очень интересовало и даже волновало. Она

даже и фамилии их прочитывала не так, как имена простых смертных. Читая иногда вслух о каком-нибудь торжестве, Олимпиада Васильевна, с особенной интонацией, полной восторженной приподнятости, подобной той, какая бывает у плохих актеров, декламирующих стихи, произносила фамилию какого-нибудь генерал-адъютанта князя Скопина-Шуйского, и тон ее мгновенно падал, делаясь, так сказать, самым прозаическим, когда она прочитывала чин и фамилию какого-нибудь статского советника Иванова. Он словно бы оскорблял ее эстетическое чувство своей ординарной фамилией и возбуждал к себе даже что-то неприязненное, этот «Иванов»!

Охотница была Олимпиада Васильевна и до происшествий и этот отдел читала обязательно, точно так, как и объявления об умерших. Фельетоны читала не все и к политике относилась довольно равнодушно; однако пробегала и иностранные известия, чтобы при случае в разговоре вставить свое слово. Нечего и прибавлять, что она была горячей патриоткой, порицала Запад и при случае жестоко бранила «жидов».

Вообще, Олимпиада Васильевна представляла собой характерный тип чиновничьего мещанства и самого искреннего, бескорыстного раболепия перед знатностью, богатством и перед ходячими правилами приличия. Всю свою жизнь она посвятила заботам об устройстве приличной жизни, с приличной обстановкой. Жить, как живут вполне порядочные люди, было ее идеалом, и на осуществление его она потратила немало ума, энергии и изворотливости. Покойный ее муж, сперва мелкий чиновник, потом получивший хлебное место и дослужившийся до штатского генерала, был всегда под башмаком у Олимпиады Васильевны. Она, так сказать, вдохновляла его, поощряя к разным, не вполне законным действиям постоянными напоминаниями о детях, об их образовании, о будущем положении. И когда он умер, у вдовы осталось небольшое состояние, проценты с которого вместе с пенсией давали возможность Олимпиаде Васильевне жить прилично. Дети были на своих ногах и радовали сердце обожавшей их матери. Старшая дочь сделала недурную партию – вышла замуж за товарища прокурора, младшая – Женечка, только что окончившая гимназию, была хорошенькая, вполне благовоспитанная барышня, которая, конечно, не засидится в девушках; один сын служил чиновником, другой – офицером, и оба были добрые, почтительные сыновья, вполне свои, разделявшие взгляды матери. Один только Саша смущал Олимпиаду Васильевну. Он нигде основательно не устраивался, менял места, «воображал о себе», высказывая резкие, совсем дикие, по мнению Олимпиады Васильевны, взгляды, иронизировал, считая себя умником, и вообще держался особняком от семьи. И семья его считала каким-то «отщепенцем», могущим скомпрометировать фамилию Пинегиных. Олимпиада Васильевна любила его меньше других детей.

«Те люди как люди, а этот – совсем неладный какой-то... Что толку с его ума, когда денег не может заработать!» – не раз думала мать и молила господа, чтобы он вразумил сына. Однако дипломатическая Олимпиада Васильевна избегала давать сыну советы, тем более что он никогда денег у нее не просил, да, кроме того, она и побаивалась его языка, зная, что в ответ на ее наставления сын иронически усмехнется, а не то и вышутит ее же, старуху. И то случалось, что братьев он в глаза называл пошляками и по нескольким неделям после этого не показывался к матери.

Одним словом, этот Саша был больным местом Пинегиных и их многочисленных родных.

IV

– Ах, это вы, братец?.. Даже испугали! – промолвила Олимпиада Васильевна, увидав на пороге комнаты своего брата, отставного полковника Василия Васильевича Козырева, высокого, худощавого старика, с продолговатым, сморщенным лицом, напоминающим лисью мордочку, на котором бегали маленькие и лукавые, точно что-то высматривающие глазки.

Этот «братец», которого Олимпиада Васильевна не очень таки долюбивала за его коварство и ехидное сплетничество, вошел бесшумно, словно подкравшись. Он вообще имел привычку появляться у родных всегда как-то незаметно и умел все высмотреть и разузнать частью из любопытства, а частью чтобы иметь материал для разговора у родственников, которым можно сообщить что-нибудь новенькое о других.

– Гулял и зашел провести тебя, сестра. Не звонил: думаю, зачем беспокоить, и прошел через кухню, – отвечал полковник тихим, вкрадчивым, тоненьким голоском и троекратно поцеловался с сестрой. – Ну, как живешь? Надеюсь, у вас все благополучно, сестра? – прибавил полковник.

– Ничего себе, слава богу, братец. Живем себе помаленьку... Да что ж мы здесь?.. Пожалуйста, братец, в гостиную... А вы как поживаете? – с приветливой улыбкой осведомилась Олимпиада Васильевна, выходя вслед за полковником из спальни.

– И я, родная, помаленьку... Что мне? Гуляю себе больше, пока ноги носят, да милых родных навещаю. Вот вчера у сестры Антонины был...

Войдя в гостиную, полковник воскликнул:

– И как же у тебя уютно здесь... прелесть!.. Право, лучше, чем у Антонины... С большим вкусом убрано...

Олимпиада Васильевна, хотя и знала коварство братца, тем не менее приятно ослабилась.

– А эта хорошенькая вазочка, видно, новая? Я что-то ее не видал, – продолжал полковник, подходя к столу и разглядывая вазу.

– Да братец... Катенька недавно подарила...

– Похвально... Почтительная дочь твоя Катенька... И муж ее славный человек... Я думаю, дорогая? – осведомился полковник.

– Не могу вам сказать, братец... Вот сюда, в кресло присядьте... Антонина здорова?

– Слава богу, все там здоровы, – отвечал полковник и после паузы прибавил: – А Леночке новую шубу сделали...

– Новую? Да у Леночки есть шубка и довольно приличная.

– Верно, Антонине показалось, что не хороша... Ты ведь знаешь Антонину? И какая, я тебе скажу, сестра, шуба!..

Олимпиада Васильевна, завидовавшая младшей сестре Антонине, у которой и обстановка была красивая, и лакей был, и дочь говорила по-английски, с живостью спросила:

– Какая же, братец, шуба?

– В семьсот рублей, – медленно произнес полковник, глядя с самым невинным видом на сестру.

– В семьсот рублей! – ахнула Олимпиада Васильевна и на секунду замерла от изумления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.